

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

УДК 273.99

С. А. Колесников

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: ОБЯЗАННОСТЬ БЫТЬ

Аннотация: Статья посвящена религиозно-философскому осмыслению уникального типа мышления, определяемого как теологическое мышление. Теологическое мышление можно определить в качестве такого способа познания мира, в основании которого подразумевается активация теологических смыслов для структурирования исходных данных в направлении к познанию Божественности. В статье рассматриваются различные признаки теологического мышления, анализируются ключевые способы формирования теологического мышления в современном интеллектуальном поле. Целью статьи является аргументация востребованности и актуальности теологического мышления для современности, демонстрация тех ресурсов познания, которые позволяют теологическому мышлению выступать в качестве уникальной и результативной формы познания. Автор указывает на цели и задачи теологического мышления, обоснованно описывает некоторые гносеологические стратегии, свойственные теологическому мышлению. В заключении делается вывод о важности построения теологического мышления в направлении религиозного благодарения, а также о том, что человеческое познание мира под влиянием теологического мышления способно преобразиться в заветное воспевание величия Божьего.

Ключевые слова: теологическое мышление, религиозная философия, разум и вера.

Сведения об авторе: Колесников Сергей Александрович – доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России (Россия, Белгород).

E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Orcid: 0009-0000-3829-6167

Цитирование: Колесников С. А. Теологическое мышление: обязанность быть // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 2 (31). С. 62–80.

Поступила в редакцию 19.05.2024

Принята к публикации 21.06.2024

Введение. Право типологизировать мышление – право, сложно объяснимым образом отданное практически полностью психологии, – обретает в современных интеллектуальных реалиях особую значимость. Принципы, на которых основаны те или иные типологии мышления, определяют результативность и продуктивность мыслительного процесса «переструктурирования» исходных данных, предзадают нормативную сущность мышления, директивно устанавливают контуры, в рамках которых призвано – или обречено! – находиться мышление. Эпохальная задача духовно-интеллектуальной современности состоит в формировании технических (в семантике хайдеггеровского *τέχνη* как «вида раскрытия потаённости»¹) заданий познания, в построении процедур изучения «языка мысли» (Дж. Фодор), призванных выстроить парадигму познающего сознания.

Представляется, что мышление как построение идеальных планов реальности не может быть представлено во всей полноте без формирования трансцендентального сознания, в основе которого лежит целостное восприятие как «абсолютно максимального» (Н. Кузанский) бытия, так и «условного» бытия. Так как мышление всегда предполагает действие в разных плоскостях – исходной ситуации и презентующей её системы знаковых средств, – то определяющим моментом результативности мышления должен выступать «навык» духовно-интеллектуальной мобильности, опыт перемещения по уровням реальности, ведь, согласно святоотеческому определению, «человек одновременно – „микрокосм и микрокос“»². Результативной иллюстрацией такого типа духовно-мобильного мышления может стать теологическое мышление – мышление, в основании которого подразумевается активация теологических смыслов для переструктурирования исходных данных в направлении Богопознания.

Цели и задачи теологического мышления. Одним из ключевых признаков теологического мышления (тео-мышления) становится его призвание к исполнению всеобщей миссионерской задачи. Опыт духовной мобильности, обретаемый тео-мышлением в ходе Богопознания, воплощается в расширении пространства религиозного миропонимания. То, что видит тео-мышление на высших уровнях бытия, должно быть представлено и сохранено на «земле»: «Недостаточно было того, чтобы пророчества

¹Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

²Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. М. : Путь, 1994. С. 77.

существовали; их надо было распространить по всему свету и сберечь их на все времена»³. В интеллектуально-миссионерском контексте определяются и масштаб задач тео-мышления, обращённых ко всему человеческому сообществу, ведь «сознание абсолютной идеи, которую мы имеем в мышлении, должно возникать в форме достоверности для людей вообще»⁴. Кульминационным «техзаданием» теологического мышления выступают сотериологические цели, так как христианская теология в своей сущности предназначена для определения путей спасения. Комплекс параметров – всеобщность, миссионерская целеустремлённость и сотериологичность – составляет открытую парадигму призваний тео-мышления, в активации которых и проявляется сущность мышления, ориентированного на Богопознание.

Результативность теологического мышления обоснована его способностью преодолевать разорванность бытия, преодолевать постмодернистскую «интервализацию истины», ведущую к инфляции истины. Истина подменяется хаосом мнений, которые «не есть внутри себя всеобщая, сама по себе сущная мысль»⁵, а кульминацией такого познавательного хаоса выступает постмодернистский «парафраз» римского префекта об отсутствии истины: «...истина и любой призыв к трансцендентности (и её прислужницы теологии) делается невозможным» (Д. Крестон)⁶. Следствием инфляции истины становится появление а-теологического, разорванно-клипового мышления, выступающего антиподом теологического мышления. Разделение истины на интервалы, возникновение пустот и провалов в истине подрывают основы религиозного мировидения, сформулированного в едином принципе «Я есмь путь и истина» (Ин. 14:6). В едином понимании истины, приоритетного для тео-мышления, снимается гносеологический конфликт понимающего и проектного типов мышления. В свете единой истины преобразуется субординация бытия: «Все дело в том, однако, что природное бытие субординировано по отношению к сверхприродному, божественному; как раз в этом – источник его „права“ на самозаконность. Тенденция расчленять бытие на различные уровни, автономные друг по отношению

³Паскаль Б. Мысли. СПб. : Северо-Запад, 1995. С. 126.

⁴Гегель Г. В. Ф. Философия религии в 2-х т. М. : Мысль. Т. 2. 1977. С. 276.

⁵Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В. 14-и т. Т. 9. Лекции по истории философии М. : Политиздат, 1932. С. 17.

⁶Жижек С., Милбанк Дж. Монструозность Христа. М. : РИПОЛ классик, 2020. С. 32.

к другу, искони присуща средневековой философской традиции, которой питается неосхоластика; в то же время эта тенденция отнюдь не чужда целому ряду типов мышления, порождённых как раз новейшей историко-философской ситуацией: достаточно вспомнить феноменологии. Здесь неотомистская философия весьма чутко улавливает знаменья времени»⁷. Теологическое мышление в своём историческом развитии демонстрирует навык «сшивания» бытийных уровней, как это представлено, например, в теологических построениях схоластики или неотомизма.

Во всех духовно-интеллектуальных вариантах прослеживается общее свойство тео-мышления созерцать и осмысливать бытие как бытие Божественности, как единство неба и земли: «*Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь*» (Псал. 18:2). Опыт целостности, лежащий в основании тео-мышления, и есть тот ресурс, который позволяет теологическому мышлению производить процедуру сшивания бытия, создавать духовно-интеллектуальную атмосферу онтологического единства. И если философское мышление определяется как «тяга повсюду быть дома» (М. Хайдеггер), то теологическое мышление научает всюду быть в храме, принимать мир как бесконечный храм, где единство и полнота обеспечивается Божиим всеприсутствием.

На фоне онтологической полноты, раскрываемой тео-мышлением, важным является рассмотрение духовно-интеллектуальных «стежков», с помощью которых тео-мышление способно сформировать целостность бытия. Уже в евангельском контексте предзаданы установки, ориентирующие теологическое мышление на построение познавательных стратегий. Во-первых, это крестительное единодушие, *πίῶ ψυχῆ*: «...слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую» (Флп. 1:27). Единение через единую душу, через единое благовествование Христово выступает для тео-мышления основой, на которой выстраивается целостное миропонимание. Во-вторых, возникает особый тип мышления, «первосвященного» мышления, сориентированного на всеобщее подобие во Христе, «Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). В-третьих, единство в умирании: «...если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2 Тим. 2:11). И, наконец, в-четвёртых, единство в со-оживлении, *συνεζωοποίησεν*: «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям,

⁷Аверинцев С. С. Религия и литература: Сборник статей. Ann Arbor : Эрмитаж, 1981. С. 125.

оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним» (Еф.2:4–6). Тем самым, контуры целостной полноты теологического мышления определены крещением как единым рождением-миссией, единой жизненной уподоблённостью Христу, единым умиранием и единым воскресением. Таковы духовные скрепы, которые выстраивает теологическое мышление в своём обосновании целостности бытия...

Не менее важными являются и характеристики личности носителя тео-мышления. Из религиозного обоснования целостности мира вырастает особый тип самосознания: «В религии в представлении развёртывается расхождение и опосредствование раскрытого содержания, и самостоятельные формы не только скрепляются вместе в некоторое целое, но и объединяются в простое духовное созерцание, и, наконец, возвышаются до мышления, обладающего самосознанием»⁸. Процедура возрастания теологического мышления начинается с открытия целостности бытия через созерцательность мира Божьего к мыслительному построению собственной личности, определяемой самосознанием. Само обретение личности предопределено соотносённостью с Божественным: «Мы становимся личностями, прежде всего, через наши отношения с миром и с Богом»⁹. Теологическое мышление становится своеобразным со-творчеством в построении личности, в личностной архитектуре, устремлённой к Богообразности.

Ключевым становится вопрос – за счёт каких ресурсов и методик выстраивается на личностном уровне теологическое мышление?

Рациональные схемы в построении личностных контуров тео-мышления малопродуктивны, так как потаённость есть глубинное свойство христианского понимания личности, восходящее ещё к грехопадению: «Тайна грехопадения... человек более непостижен без знания этой тайны, чем эта тайна непостижима человеку»¹⁰. Потаённость личности сущностна и вне-рациональна для теологического мышления: «Тайна человеческой личности, то, что делает её абсолютно единственной, незаменимой, – не может быть выражена в каком-либо рациональном понятии, определяемом словами»¹¹. Однако эта потаённость не означает отказ от мыслительного

⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. С. 393.

⁹ Доброхотов А. Л. Традиция бессмертия: Мамардашвили как философ культуры. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dobrohotov-aleksandr-ljvovich/izbrannoe/19> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁰ Паскаль Б. Мысли... С. 46.

¹¹ Лосский В. Н. Боговидение. М. : АСТ, 2003. С. 642.

внимания на личности, скорее, напротив, именно потаённость инициирует такое особое качество тео-мышления, как надежду. Принципиальная целостность бытия и здесь оказывает своё духовно-терапевтическое действие: «Надежда есть чистое терпение субъекта, включение себя в универсальность обращения»¹². Тайна, соединённая с надеждой, оказывается эффективным средством становления целостной личности, гармоничного сшивания личности и бытия Божьего. Разрыв личности и бытия порождает трагизм мышления, трагизм разорванного сознания, в максимальной напряжённости явленный в античной языческой трагедии, где «герои гибнут без воскресения, и чем сильнее их дух, тем беспощаднее они уничтожаются роком»¹³. Показательным может стать своеобразное определение «процента» трагедийности на каждом историческом этапе, и там, где теологическое мышление выходит на приоритетные позиции – средневековое богословие, период классического идеализма – там количество трагичности уменьшается. И, напротив, просветительство, нищезанство, Серебряный век, агностический постмодерн культивировали трагедийность в самых экстремальных а-теологических вариантах.

Теологическое христианское мышление активизирует вектор, противоположный античной трагедийности: через единство тайны и надежды – к преобразению трагедии, к ситуации, когда «трагедия перестанет быть безвыходной»¹⁴. Личность носителя теологического мышления преодолевает отчаяние-слабость (С. Кьеркегор) и отчаяние-абсурд (А. Камю) через духовно-интеллектуальное усилие веры. Путевые точки последствий такого усилия выстраиваются в соответствии с определённой духовно-мыслительной схемой: «духовное усилие – некое удержанное человеком состояние – личность – историческое время»¹⁵. Тео-мышление предлагает своеобразное понимание духовно-интеллектуального усилия, выраженное в евангельской максиме: «Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11:12)». Опыт тео-мыслительного усилия, преобразующего личность и время, становится стереофоничным по своим векторам, выстраивающимся в триединстве интеллектуального благодеяния: «1. научная

¹² Бадью А. Апостол Павел: Обоснование универсализма. М. : Московский философский фонд; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 50.

¹³ Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12-и т. Т. 9. М. : Мартис, 2004. С. 324.

¹⁴ Там же. С. 329.

¹⁵ Доброхотов А. Л. Традиция бессмертия: Мамардашвили как философ культуры...

забота: стремление к знанию; 2. еkkлезиальная забота: желание ответственности; 3. миссионерская забота: поиск общения»¹⁶. Единство научности, личности и церковной ответственности есть основополагающие ресурсные параметры христианского теологического мышления.

Значимым для понимания специфики теологического мышления является то, во имя чего активируются ресурсы и задействуются потенциалы такого типа мышления, какие ценности выступают для него приоритетными.

Даже если оставаться исключительно в рациональной парадигме, оставив за рамками данного разговора мистические, апофатические, глубинные, парадоксальные, невыразимые аспекты, то аксиологический комплекс тео-мышления представляет собой чётко выраженное образование. Принимая определение ценностей как основы для преобразования действительности (классическое определение ценностей А. Уайтхеда: «Ценность – это общее название для целой бесконечности ценностей, отчасти согласующихся и отчасти не согласующихся между собой. Сущностью этих ценностей оказывается их способность к реализации в Мире Деятельности... Оценка влечёт за собой процесс модификации: Мир Деятельности модифицируется Миром Ценности»¹⁷), теологическое мышление способно к преобразению реальности по своим, тео-мыслительным, лекалам. Так было на начальной стадии научного миропреобразования: «Ортодоксальный католицизм неосхоластического толка *в пределах веры* являет зрелище весьма последовательного рационализма; по схоластической концепции содержание веры представляет для работы разума такой же материал, как, скажем, аксиомы геометрии. Фома Аквинский замечает как-то, что данные откровения служат исходной точкой для философии, наподобие того, как данные математики служат исходной точкой для теории музыки»¹⁸ – и так предстало в реалиях новейшего времени, в которых теологическое мышление «имеет возможность дать весьма оптимистическую оценку и цельную концепцию материального мира. Даже если мы исключим из рассмотрения крайний оптимизм иезуита-гуманиста и философского аутсайдера Тейяра де Шардена, – для неотомистской ортодоксии этот мир, во всяком случае, не есть

¹⁶ Пупар П. Церковь и культура. Заметки о пастырстве разума. Милан–Москва : «Христианская Россия», 1993. С. 162.

¹⁷ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 307.

¹⁸ Цит. по: Аверинцев С. С. Религия и литература... С. 123.

ни абсурд и вместилище человеческой „заброшенности“, как для экзистенциализма, ни игрушка произвольной человеческой активности, как для прагматизма, ни цепь логических заданностей, как для неокантианства и неопозитивизма; мир осмысляется как безусловно реальное творчество благого Мастера, заслуживающее полного „приятя“ и уважения к его внутренним закономерностям»¹⁹. Система ценностей теологического мышления оказывается актуальной и востребованной в духовно-интеллектуальном борении против атеологизма и радикального материализма.

«Внутренние закономерности», о которых говорил С. С. Аверинцев, и есть очертания системы ценностей теологического мышления. Значимость аксиологии тео-мышления проявляется даже в обращении к материальному миру, который являет себя в неразрывной связи, в неизбывном единстве с духовными ценностями.

Мыслить материальный мир категориями религиозных ценностей и составляет сущность теологического мышления. Научение мыслительно-го процесса включать, внедрять, вживлять в материально-рационалистическую схему мира, мира сего, элементы мира горнего выступает ключевой интеллектуально-дидактической задачей современного теологического мышления. Спектр духовно-интеллектуальных ценностей христианства – μετάνοια (умоперемена), логосность, разумение, νοῦς (ум), δίανοια (способность к размышлению) и другие – основан на ключевом принципе интеллектуальной уподобленности Христу, обретения «ума Христова»: «Иметь ум Христов – значит по нему мыслить и обо всем через Него мыслить» (Максим Исповедник, *Capitum Theologiae et Oeconomiae*. PG 90. Col. 1164 B). Стремиться мыслить, как Христос, мыслить, обретая ум Христов, согласно апостольскому наставлению: «Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2:16), – и определяет основные контуры теологического мышления.

Формы теологического мышления. Спецификой тео-мышления, с учётом принятия ума Христова как духовно-интеллектуального образца, становится сверх-рациональная интеллектуальность, вбирающая в себя те самые «внутренние закономерности», которые в святоотеческом видении определялись в качестве оснований для связи ума и души. Так, Симеон Новый Богослов призывал видеть в уме (νοῦς) разумную силу души, которая «здравно рассуждает и верно отличает добро от зла, и показывает

¹⁹Цит. по: Аверинцев С. С. Религия и литература... С. 125.

определённо и властно силе желательной, к каким вещам подобает ей склоняться желанием, какие любить, от каких отвращаться»²⁰. Ум Христов придаёт качественно иные горизонты мыслительному процессу, расширяет его, предзадаёт иные познавательные форматы, о чём говорил ещё Максим Исповедник: «Ум Христов, который воспринимают святые по глаголу: Мы имеем ум Христов (*vouu* Христов – 1 Кор. 2,16), не рождается в нас вследствие силы мышления; [не является] он и составной частью нашего ума и не перемещается сущностным и ипостасным образом в наш ум, но [ум Христов рождается] как сила, своим качеством делающая ясным наш ум и сообщающая ему действие, направленное на неё. Ибо обладать умом Христовым, как я это понимаю, значит [постоянно] мыслить по Господу и всегда мыслить Его» («Сотницы», 83 глава). Тем самым, ресурсы теологического мышления качественно расширяются за счёт подключения личностно-душевных потенциалов; интеллект соединяется с душой, что позволяет внести духовные аспекты для оценки реальности. Теологическое мышление на личностно-аксиологическом уровне предлагает не осмысливать только «вещи мира», не выстраивать эпистемологические модели в контуре нейтральной – «ни холоден, ни горяч» (Откр. 3:15) – рациональности, но выводит на более высокий уровень знания о «добре и зле», ориентирует познающую личность в сотериологическом направлении.

Формирование ума как одно из условий спасения – вот задача теологического мышления. Ещё Фома Аквинский формулировал необходимость сотериологических ориентиров познающего мышления: «Для спасения рода человеческого необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном Откровении»²¹. Тео-мышление презентует уникальное единство сотериологии и познания, где спасение становится знанием, а знание открывает путь к спасению.

Опыт сверх-рациональности, обретаемый теологическим мышлением при сотериологическом подходе к познанию мира, придаёт масштабу мыслительного процесса грандиозность и величие, а самое главное – познавательную результативность. В грандиозности задачи сотериологического мышления, мышления, обращённого к спасению, снимается сниженное

²⁰ *Симеон Новый Богослов, прп.* Слова. Слова нравственные. М. : Типо-литография И. Ефимова, 1897. С. 410.

²¹ *Фома Аквинский.* Сочинения / Сост. и пер. с лат. А. В. Апполонова. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 9.

представление о религиозном мышлении как о мышлении «донаучном» (Б. Рассел), выпадающем за рамки интеллектуальной «толерантности» (Ю. Хабермас), теряющем своё значение в свете автобусной рекламы иллюзорности («The Times», 06.01.2009: «Профессор-архискептик Ричард Докинз сегодня запустил первую в Великобритании атеистическую кампанию, разместив сообщение: „Бога, вероятно, нет. Так что перестаньте беспокоиться и наслаждайтесь жизнью“ на боковых сторонах 800 британских автобусов») – и как кульминация обличения! – деградирующем в «ужасающее невежество» (Д. Деннетт)²². Познавательльно-сотериологический масштаб теологического мышления раскрывает лукавство такого рода обвинений: во-первых, тео-мышление, изменяя оптику миропознания, расширяет представление о самом «научном», снимает противопоставленность научного и до-научного; во-вторых, тео-мышление заявляет о принципиальной возможности здорового («нет богатства лучше здоровья» (Сир. 30:16)), а не «толерантного» («толерантность – полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т. е. потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение»²³) мышления; в-третьих, тео-мышление снимает ярлык недостоверности с мистического Богопознания, возвращая богословской потаённости познавательную результативность: «Необходимо, чтоб никакую, даже в тайне сокровенную премудрость (мы) не почитали для нас чуждою и до нас не принадлежащею, но со смирением устроили ум к Божественному созерцанию и сердце к небесным ощущениям»²⁴; и – в-четвёртых, мыслительные стратегии в рамках многогранного теологического миропознания не могут быть сведены (если только не преследуются исключительно идеолого-пропагандистские цели) к нулевому, «невежественному», уровню, так как христианское Богопознание предлагает поливекторную гносеологическую методологию (в частности, «методологию воспроизводимого эксперимента в религии заменяет интроспекция, самоуглубление, озарение, духовный авторитет, религиозное свидетельство (Священное Писание,

²²Dennett D. C. *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*. New York : Penguin Books, 2006. P. 6.

²³Булыко А. Н. *Большой словарь иноязычных слов*. 35 тысяч слов. М. : Мартин, 2004. С. 582.

²⁴Филарет, митр. *Московский*. Творения. Слова и речи: в 5-и т. [Репр. изд.]. М. : Новоспаский монастырь. Т. 4. 2007. С. 148.

Священное Предание и т. п.)»²⁵). Все обозначенные позиции показывают и доказывают необоснованность обвинений в адрес тео-мышления в миропознавательной безрезультативности и безуспешности.

Гносеологическая результативность теологического мышления выводит к вопрошанию о специфике познавательных стратегий, в рамках которых тео-мышление осуществляет своё развитие. Еще Р. Бэкон (1214–1292) стремился составить стратегическую программу теологического мышления в трактате «Теологический компендиум», «*Compendium studii theologiae*» (вырастающего из интеллектуальной программы «Философский компендиум»), где был представлен панорамный план активации ресурсов тео-мышления для осуществления познавательных задач.

Символично (в величественном стиле промыслительной поэтики), что через столетия другой философ, носящий ту же фамилию Вэсон, Френсис Бэкон, также ставил вопрос о стратегической типологии теологического мышления, выстраивая единство между религиозным и научным миропознанием. Знаменитые «призраки Бэкона» – призраки рода, пещеры, рынка и театра – и есть знаковые маркеры провальных стратегий познания, которые могут быть преодолены именно теологическим обоснованием познавательной деятельности. Ограниченность стратегий родового, индивидуально-пещерного, утилитарно-рыночного или публично-идеологического познания снимается в преобразующем религиозном мышлении: «...через падение человек потерял и невинное состояние, и власть над творениями. Но то и другое он может вернуть себе до некоторой степени даже и в этой жизни: первую – при помощи религии и веры»²⁶. Линия развития теологического мышления сохраняла свою значимость и в последующие столетия, конечно, вступая в серьёзное противостояние с разрастающейся а-теологической сферой, постулирующей приоритет позитивистского мышления.

Формат статьи не позволяет подробно остановиться на интереснейших перипетиях взаимоотношений теологического и а-теологического типов мышлений, представленных в позициях французских материалистов XVIII века от Ж. Мелье до Вольтера, и реакции немецкого теологического идеализма, в «безбожественности» Л. Фейербаха и его негативной оценке

²⁵ Горелов А. А., Горелова Т. А. Сравнительный анализ научного и религиозного способов познания // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 69.

²⁶ Городенский Н. Г. Франциск Бэкон, его научно-философские и религиозные воззрения // Богословский вестник, 1912. Т. 2. № 7–8. С. 732.

К. Бартом, в марксистском атеизме и оппонировавшей ему русской религиозной философии, в противостоянии «новых атеистов» XXI века и апологетических позиций Дж. Хота и А. МакГрата... Примеры могут быть продолжены.

Из всего многообразия стратегических осмыслений специфики теологического мышления хотелось бы остановиться только на одном направлении – на типологическом анализе личностных форм тео-мышления. Вопрос о типологии теологического мышления в соотнесённости с особенностями мироосмысления разрабатывается уже достаточно давно. Так, Э. Жильсон выстраивал в средневековой теологии таксономию теологического мышления в зависимости от способов и методов богословского познания, в первую очередь, разделяя богословов на теософов и теологов: «Теософы – это вдохновенные писатели: „Theosophi proprie dicuntur sacrae scripturae id est divinitus promulgatae auctores“, – например, Моисей и пророки. Их авторитет несравненно выше, а их истина более основательна, чем авторитет и истина обычных людей. Теологами в узком смысле слова называются люди, объясняющие или излагающие теософию; в широком смысле – это люди, которые рассуждают о ней и ей обучают, причём другие люди их слушают»²⁷. Тем самым предлагается стратегическая аналитика по способу осознания мира религиозным мышлением: выделяется, с одной стороны, профетическое, духовно-восторженное вознесение к благодати, с другой – уже дидактико-рационалистический тип тео-мышления, стремящийся перевести мистический опыт Богопознания на словесно-понятийный уровень.

При этом в отношении теологов классификация теологического мышления у Жильсона приобретает ещё большую детализацию: «Теологи подразделяются на три „степени“: первая степень охватывает тех, чья высокая учёность и святость жизни побудили Верховных понтификов включить их в число святых (Дионисий, Афанасий, Василий, Киприан, Амвросий, Иероним, Августин и др.); вторая степень объединяет теологов, чьи учения столь же истинны и универсальны, но те же самые папы оценили их менее высоким достоинством (Ориген, Иоанн Дамаскин, Алкуин, Ансельм, Бернард, Гуго и Рихард Сен-Викторские); наконец, третья степень охватывает ряд очень известных имён, среди которых Пётр Ломбардский, Гильберт Порретанский, Гильом Оксеррский и многие современные автору «Суммы» писатели; их он называет «изготовителями Сумм» („multique moderniores

²⁷ Жильсон Э. Философия в средние века. М. : Культурная Революция, Республика, 2010. С. 374.

scriptores, quos summarum vocant confectores“»)»²⁸. Спектр стратегий тео-мышления в обозначенной типологии значительно расширяется, их стратегическая значимость начинает включать и способность явить единство учёности и святости, и внешнюю оценку истинности и универсальности конкретного типа теологического мышления, и текстуальную результативность обозначенных представителей теологического мышления. Каждая из указанных парадигм отбора представляет собой стратегическое обоснование векторов развития тео-мышления – от мистико-неисчисляемой Божьей вдохновлённости до количественного «производства» текстуальных объёмов.

Типология тео-мышления позволяет увидеть познавательные полюса, в рамках которых разворачиваются стратегические направления религиозного познания мира: одним полюсом выступает мистико-апофатический тип познания, предлагающий преобразить тварные способы интеллектуального миропознания, активировать «безвидность ума» (Климент Александрийский), а другим полюсом становится словесно-образный, катафатический, способ осмысления мира. Важно, что в тео-мышлении способны гармонично соединиться оба полюса, и в этом ключевая особенность и достоинство тео-мышления, открытого обоим стратегиям миропознания. В тео-мышлении реализуется, как говорил Л. Карсавин, «соучастие мысли в откровении Слова или познавательное причастие»²⁹. Тео-мышление во всех своих стратегических направлениях являет уникальную способность соединять мысль человеческую и Слово, выстраивать познавательные стратегии с подключением, а точнее с причащением (μετάληψις), к потаённости и благодарению, создавать особое место встречи человеческого познания и божественного Откровения.

Стратегии тео-мышления могут быть разными, могут руководствоваться принципом «*credo quia absurdum*», «верую, ибо нелепо», преобразуя сущность абсурда; могут исходить из максимы «*credo ut intellegam*», «верую, чтобы понимать» или его зеркального отражения «*intellego ut credam*», «понимаю, чтобы веровать»; могут опираться на формулу «умного делания», – но в каждом таком стратегическом прорыве ум человеческий открывает Божественному, становится «прозрачным» для

²⁸ Жильсон Э. Философия в средние века... С. 374.

²⁹ Карсавин Л. Любовь и Бог // Журнал «Вестник самообразования». Ежемесячный журнал духовной культуры, русского образования и популярно-научных знаний. Берлин. 1923 г., №9. URL: <https://russophile.ru/2016/12/14/> (дата обращения: 10.05.2024).

Божественности: «Такое мышление стремится к абсолютной прозрачности, когда оно приобщается Премудрости, несущей в себе логосы всего сущего. Так человеческому уму удаётся „выйти из самого себя“, и из суеты мыслей войти в безмолвие, предваряющее общение с „полнотой Божества“, обитающей во Христе телесно (Кол. 2:9), „телесно“ – в том числе и в разуме»³⁰. В подобной – Богоподобной! – «прозрачности» обретается гармония веры и разума при приоритете веры, тео-мышление выстраивает уникальную педагогику гармоничного миропознания, гносеологического умиротворения, о которой говорил даже такой концептуальный аналитик и логист, как А. Уайтхед: «Приключение Вселенной начинается с мечты и завершается трагической Красотой. В этом состоит секрет объединения пылкого Интереса с Умиротворённостью: страдание завершается Гармонией Гармоний. Непосредственное переживание этого Заключительного Факта с его объединением Юности и Трагедии выражает смысл Умиротворённости»³¹. В данном высказывании зафиксированы координаты одного из возможных стратегических маршрутов тео-мышления – от трагедийности к гармонии.

Заключение. Теологическое мышление предлагает гармоничное слияние двух стратегических планов познания, распахивает в едином спектре два горизонта мышления – горизонтальный и вертикальный. Человеческий разум обретает в тео-мышлении новые объёмы и перспективы: «С одной стороны, мы видим счастье земной жизни, такое, какого можно достичь средствами естественного разума, полностью раскрытого для нас в трудах философов (*quae per philosophos tota nobis apparuit*); с другой стороны – счастье будущей жизни, которого можно достичь, следуя наставлениям Иисуса Христа»³². Через христианское тео-мышление открывается возможность преображения человечества как грандиозный, социально-стратегический проект новой одухотворённой антропологии, в рамках которого «возникает и распространяется особенное человечество, которое, живя в конечном, стремится к полюсу бесконечности»³³. Теологическое мышление

³⁰ *Зелинский В., священник.* «Ум христов»: мистическое познание у ап. Павла и в «гностических сотницах» преп. Максима Исповедника. URL: <https://nasledie-college.narod.ru/Doclad1/Zelinskii.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

³¹ *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии... С. 702.

³² *Жильсон Э.* Философия в средние века... С. 437 с.

³³ *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 105.

способно соединить человеческое и бесконечное, тварное и бессмертное, и в этом уникальном единстве будет обретено заветное чаяние верующего сознания – возможность благодарения.

И тогда главная цель человеческого мышления будет выполнена (в частности, М. Хайдеггер подводил к подобному определению целевых контуров тео-мышления: «Что поименовано словами „мышление“, „мыслимое“, „мысль“? В каком свободном просторе сказанного они показывают? „Мыслимое“ («Gedachtes») – где оно есть, где пребывает? Оно нуждается в памяти (Gedächtnis). Мыслимому и его мыслям, к „Gedanc“, принадлежит благодарность (Dank)» (Хайдеггер М. Что значит мыслить?): человеческое мышление преобразится в искреннее благодарение, в величественное прославление, в заветное воспевание величия Божьего.

Иной цели у мышления – нет; именно таким мышление обязано быть.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Религия и литература: Сборник статей. Апп Арвог : Эрмитаж, 1981. 138 с.
2. *Бадью А.* Апостол Павел: Обоснование универсализма. М. : Московский философский фонд; СПб. : Университетская книга, 1999. 93 с.
3. *Булыко А. Н.* Большой словарь иноязычных слов. 35 тысяч слов. М. : Мартин, 2004. 704 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. В. 14-и т. Т. 9. Лекции по истории философии М. : Политиздат, 1932. 339 с.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии в 2-х т. М. : Мысль, 1975–1977. Т. 2. 1977. 572 с.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. 480 с.
7. *Горелов А. А., Горелова Т. А.* Сравнительный анализ научного и религиозного способов познания // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 65–76.
8. *Городенский Н. Г.* Франциск Бэкон, его научно-философские и религиозные воззрения // Богословский вестник, 1912. Т. 2. № 7–8. С. 717–745.
9. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 95–108.
10. *Доброхотов А. Л.* Традиция бессмертия: Мамардашвили как философ культуры. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dobrohotov-aleksandr-ljvovich/izbrannoe/19> (дата обращения: 10.04.2024).

11. *Жижек С., Милбанк Дж.* Монструозность Христа. М. : РИПОЛ классик, 2020. 544 с.
12. *Жильсон Э.* Философия в средние века. М. : Культурная Революция, Республика, 2010. 678 с.
13. *Зелинский В., священник.* «Ум христов»: мистическое познание у ап. Павла и в «гностицистических сотницах» преп. Максима Исповедника. URL: <https://nasledie-college.narod.ru/Doclad1/Zelinskii.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).
14. *Карсавин Л.* Любовь и Бог // Журнал «Вестник самообразования». Ежемесячный журнал духовной культуры, русского образования и популярно-научных знаний. Берлин. 1923 г., № 9. URL: <https://russophile.ru/2016/12/14/> (дата обращения: 10.05.2024).
15. *Клеман О.* Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. М. : Путь, 1994. 383 с.
16. *Лосский В. Н.* Боговидение. М. : АСТ, 2003. 759 с.
17. *Паскаль Б.* Мысли. СПб. : Северо-Запад, 1995. 572 с.
18. *Пунар П.* Церковь и культура. Заметки о папстве разума. Милан–Москва : «Христианская Россия», 1993. 256 с.
19. *Симеон Новый Богослов, прп.* Слова. Слова нравственные. М. : Типо-литография И. Ефимова, 1897.
20. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 448 с.
21. *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12-и т. Т. 9. М. : Мартис, 2004.
22. *Филарет, митр. Московский.* Творения. Слова и речи: в 5-и т. [Репр. изд.]. М. : Новоспасский монастырь. Т. 4, 2007. 635 с.
23. *Фома Аквинский.* Сочинения / Сост. и пер. с лат. А. В. Апполонова. М. : Едиториал УРСС, 2002. 229 с.
24. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.
25. *Dennett D. C.* Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon. New York : Penguin Books, 2006.

THEOLOGICAL THINKING: THE OBLIGATION TO BE

Abstract: The article is devoted to the religious and philosophical understanding of a unique type of thinking, defined as theological thinking. Theological thinking can be defined as such a way of knowing the world, which is based on the activation of theological meanings to structure the initial data in the direction of cognition of Divinity. The article examines various signs of theological thinking, analyzes the key ways of forming theological thinking in the modern intellectual field. The purpose of the article is to argue the importance and relevance of theological thinking for modernity, to demonstrate those resources of knowledge that allow theological thinking to act as a unique and effective form of cognition. The author points out the goals and objectives of theological thinking, reasonably describes some epistemological strategies peculiar to theological thinking. The article concludes that it is important to build theological thinking in the direction of religious thanksgiving, as well as that human knowledge of the world under the influence of theological thinking can be transformed into a cherished celebration of the greatness of God.

Key words: theological thinking, religious philosophy, reason and faith.

Information about the author: Sergey Alexandrovich Kolesnikov – Doctor of Philology, Vice-rector for Scientific Work of the Belgorod Orthodox Theological Seminary, Professor of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Belgorod).

References

1. *Averincev S. S.* Religija i literatura: Sbornik statej. Ann Arbor : Jermitazh, 1981. 138 s. *In Russian.*
2. *Bad'ju A.* Apostol Pavel: Obosnovanie universalizma. M. : Moskovskij filosofskij fond; SPb. : Universitetskaja kniga, 1999. 93 s. *In Russian.*
3. *Bulyko A. N.* Bol'shoj slovar' inozazychnyh slov. 35 tysjach slov. M. : Martin, 2004. 704 s. *In Russian.*
4. *Gegel' G. V. F.* Sochinenija. V. 14-i t. T. 9. Lekcii po istorii filosofii M. : Politizdat, 1932. 339 s. *In Russian.*
5. *Gegel' G. V. F.* Filosofija religii v 2-h t. M. : Mysl', 1975–1977. T. 2. 1977. 572 s. *In Russian.*

6. *Gegel' G. V. F. Jenciklopedija filosofskih nauk. M. : Mysl', 1977. 480 s. In Russian.*
7. *Gorelov A. A., Gorelova T. A. Sravnitel'nyj analiz nauchnogo i religioznogo sposobov poznaniya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. № 4. S. 65–76. In Russian.*
8. *Gorodenskij N. G. Francisk Bjekon, ego nauchno-filosofskie i religioznye vozzrenija // Bogoslovskij vestnik, 1912. T. 2. № 7–8. S. 717–745. In Russian.*
9. *Gusserl' Je. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosocija // Voprosy filosofii. 1986 № 3. S. 95–108. In Russian.*
10. *Dobrohotov A. L. Tradicija bessmertija: Mamardashvili kak filosof kul'tury. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dobrohotov-aleksandr-ljvovich/izbrannoe/19> (data obrashhenija: 10.04.2024). In Russian.*
11. *Zhizhek S., Milbank Dzh. Monstruoznost' Hrista. M. : RIPOL klassik, 2020. 544 s. In Russian.*
12. *Zhil'son Je. Filosofija v srednie veka. M. : Kul'turnaja Revoljucija, Respublika, 2010. 678 s. In Russian.*
13. *Zelinskij V., svjashhennik. «Um hristov»: misticheskoe poznanie u ap. Pavla i v «gnosticheskikh sotnicah» prep. Maksima Ispovednika. URL: <https://nasledie-college.narod.ru/Doclad1/Zelinskii.pdf> (data obrashhenija: 08.05.2024). In Russian.*
14. *Karsavin L. Ljubov' i Bog // Zhurnal «Vestnik samoobrazovanija». Ezhemesjachnyj zhurnal duhovnoj kul'tury, russkogo obrazovanija i populjarno-nauchnyh znaniy. Berlin. 1923 g., № 9. URL: <https://russophile.ru/2016/12/14/> (data obrashhenija: 10.05.2024). In Russian.*
15. *Kleman O. Istoki. Bogoslovie otcov Drevnej Cerkvi. Teksty i komentarii. M. : Put', 1994. 383 s. In Russian.*
16. *Losskij V. N. Bogovidenie. M. : AST, 2003. 759 s. In Russian.*
17. *Paskal' B. Mysli. SPb. : Severo-Zapad, 1995. 572 s. In Russian.*
18. *Pupar P. Cerkov' i kul'tura. Zametki o pastyrstve razuma. Milan – Moskva: «Hristianskaja Rossija», 1993. 256 s. In Russian.*
19. *Simeon Novyj Bogoslov, prp. Slova. Slova npravstvennye. M. : Tipo-litografija I. Efimova, 1897. In Russian.*
20. *Uajthed A. N. Izbrannye raboty po filosofii. M. : Progress, 1990. 448 s. In Russian.*
21. *Fedotov G. P. Sobranie sochinenij v 12-i t. T. 9. M. : Martis, 2004. In Russian.*

22. *Filaret, mitr.* Moskovskij. Tvorenija. Slova i rechi: v 5-i t. [Repr. izd.]. M. : Novospasskij monastyr'. T. 4, 2007. 635 s. *In Russian.*
23. *Foma Akvinskij.* Sochinenija / Sost. i per. s lat. A. V. Appolonova. M. : Editorial URSS, 2002. 229 s. *In Russian.*
24. *Hajdegger M.* Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija. M. : Respublika, 1993. 447 s. *In Russian.*
25. *Dennett D. C.* Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon. New York : Penguin Books, 2006. *In English.*